

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

УДК 94(470)"18":34

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-37-47

СТАТУС ДИССЕРТАЦИИ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОППОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XIX ВЕКА

Н.Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129
vhist@mail.ru

Анализируется содержание университетского законодательства, в частности, нормативных установлений в виде положений об ученых степенях, утвержденные версии которых (1819, 1837, 1844, 1864 гг.) являлись инструкционными дополнениями университетских уставов (1804, 1835, 1863, 1884). Несмотря на проявляемый к данному законодательству интерес специалистов, изучающих историю российских университетов, всё же не предпринималось специальных попыток рассмотреть эволюцию законодательного регулирования подготовки научных кадров высшей квалификации с целью выявления изменений нормативного статуса диссертации и регламентаций ее научной экспертизы. Обосновывается наблюдение, согласно которому с введением «Положения о производстве в ученые степени» 1844 г. в системе испытаний соискателей ученых степеней намечается поворот к нормативной акцентуации значимости публичной защиты диссертации и ее профессиональной экспертизы как основных инструментов экспертно-квалификационной практики. Данная тенденция получает развитие и закрепление в университетских уставах 1863–1884 гг. и «Положении об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» 1864 г. Прослеживается, каким образом в нормативных документах постепенно повышался статус диссертации, превратившейся в 1860-е–1880-е гг. в основу оценивания научных достижений претендента на ученую степень. В этот же период в связи с введением принципа публичности диссертационного диспута более определенными стали функции экспертов диссертаций в лице факультета и оппонентов. Данное наблюдение подкрепляется фактом существенного роста статистики защит диссертаций, что выявляется на основе базы данных о диссертантах и диссертациях ученых-историков, имеющейся в нашем распоряжении.

Ключевые слова: российские университеты, российское законодательство, университетские уставы, положения об ученых степенях, диссертация, диссертационный диспут, оппонент, оппонирование диссертаций.

Создание диссертационной системы/культуры [Диссертация по истории..., 2016], несомненно, осуществлялось в процессе взаимодействия факторов разной природы: с одной стороны, посредством выработки нормативно-правовых основ приобретения ученых степеней, с другой – в результате развития традиций профессиональной подготовки ученого в стенах университетов и поисков адекватного инструментария для проведения научной экспертизы его творческих способностей. В данной статье рассматривается опыт разработки основ нормативно-юридического регулирования важнейшей сферы научно-образовательной культуры российских университетов, связанной с системой подготовки научных кадров высшей квалификации. Объективно этот процесс был нацелен на формирование в России системы научных сообществ, представлявших различные области научного знания, а шире – научной культуры. Создание корпуса ученых, обеспеченных учеными степенями и научными званиями, являлось ближайшей задачей министерства народного просвещения в законодательной стратегии всего XIX в. Министерство было озабочено необходимостью укрепления и развития молодой университетской системы, профессорско-преподавательский состав которой в начале столетия еще не был искушен в тонкостях научно-правового регулирования своей деятельности и требовал соответствующего правового воспитания.

В центре внимания будут преимущественно тексты так называемых «положений» об ученых степенях, позволяющих раскрыть смысл законодательных актов, введших нормы, определявшие статус и процедуру защиты диссертации. Подчеркну, что демонстрация связи некоторых нормативных установлений с опытом защит диссертаций будет осуществляться на основе обращения к деятельности ученых-историков.

Первые шаги в направлении определения статуса диссертации и порядка ее защиты связаны с действием уставов российских университетов, в основу большинства которых был положен текст устава Московского университета 1804 г. (Университетский устав, 1804, § 96–107). То есть подготовка кадров высшей квалификации с 1804 до 1819 г. осуществлялась в каждом университете на основе собственного устава. С января 1819 г. регламентации этой стороны деятельности приобретают универсальный характер и воплощаются в нормах специальных положений, имевших общий характер.

Изучение процесса разработки подобных нормативных документов, введших принципы подготовки ученых и правила получения ими ученых степеней, позволяет не только фиксировать тактики и стратегии российской политики в сфере высшей научно-образовательной системы, но и раскрыть смысл и понимание современниками способов достижения главной цели – создания профессиональной научной среды.

Сложившаяся историографическая традиция изучения указанных аспектов [Кричевский, 1985, с. 141–153; Иванов, 1994, 2016; Зипунникова, 2009, 2016, с. 25–35; Сухова, 2010, с. 21–35; Алеврас, 2011, с. 129–144; Алеврас, Гришина, 2014, с. 77–90; Алеврас, Гришина, Скворцов, 2016, с. 32–40; Вишленкова, Ильина, 2013, с. 84–107; Гатауллина, Ильина, 2016, с. 15–24; Ильина, 2016, с. 36–49 и др.] дает возможность учесть исследовательский опыт и обратиться к тем сторонам правового обеспечения подготовки профессиональных ученых-историков, которые демонстрируют и отражают процесс становления диссертационной системы. Нас в данном случае будут интересовать те аспекты нормативных документов, которые позволяют раскрыть представления создателей законодательных актов (представителей министерства народного просвещения и ученых, участвовавших в их разработке) о смысле «испытаний», в ходе которых знания соискателей ученых степеней подвергались научной экспертизе. Особое внимание в этой связи будет уделено вопросу о том, какое значение в положениях об ученых степенях приобретала диссертация как научный труд, демонстрирующий уровень, характер и специфику научной квалификации соискателя. Сравнительный анализ источников дает возможность выявить эволюцию и принципиальные нововведения в этом вопросе. С этим связано наблюдение за процессом нормирования роли и экспертных функций факультета и оппонентов в ходе обсуждения диссертации. Попытки создателей нормативных документов установить критерии научных компетенций для двух высших ученых степеней – магистерской и докторской – также входят в предмет данной статьи.

Специалистам по истории российских университетов хорошо известен факт существования нескольких «поколений» упомянутых положений, которые являлись своеобразными нормативно-инструктивными дополнениями к университетским уставам 1804, 1835, 1863, 1884 гг. В дореформенный период законодательно были введены в действие три основные версии положений – 1819, 1837², 1844 гг. Положения 1819 (Положение о производстве..., 1819) и 1837 гг. (Положение об испытаниях..., 1837) можно объединить в отдельную группу нормативных актов, определивших сходную, несмотря на ряд нововведений в 1837 г., стратегическую линию в понимании смысла, способов подготовки научных кадров и экспертизы их профессионализма. Вторую группу составляют тексты положений, изданных в 1844 (Положение о производстве..., 1844) и 1864 гг. (Положение об испытаниях..., 1864). Несмотря на двадцатилетие, их разделявшее, положение 1844 г. можно рассматривать в качестве стартового нормативного документа, ориентированного на создание основ новой стратегии, нацеленной на пересмотр прежних приоритетов в области оценивания научной подготовки соискателей ученых степеней и организации научной экспертизы их профессионализма. Кроме экзаменационных штудий заметное место в документе занимает процедура экспертизы диссертации. Положение 1864 г. в условиях курса на буржуазные реформы свидетельствовало о новых шагах в этом направлении. Сопровождавший публикацию данного нормативного документа краткий исторический очерк разработки нормативных документов об ученых степенях (По поводу нового положения..., 1864) позволяет уточнить замыслы и идеи инициаторов этого элемента университетской реформы.

Разработка и публикация первого из четырех указанных положений, спровоцированные скандальной историей в Дерптском университете, связанной с нарушением норм университетского устава при осуществлении испытаний на ученую степень ряда лиц (Об удалении от должностей..., 1817), положила начало традиции нормирования прежде всего процедур магистерских и докторских экзаменов и установления некоторых требований к диссертациям. В рамках этого были сделаны первые попытки определения полномочий декана и факультета (или отделения) в осуществлении экспертизы знаний и квалификации соискателей. В Положении 1819 г. при определении компетенции соискателей магистерской и докторской степени (Положение о производстве..., 1819, § 12, 13), концентрируется внимание на процедурах экзаменационных испытаний. Для магистранта предусматривалось испытание в виде «словесных» и двух «письменных» вопросов в системе науки, которая составляла основу его подготовки; для докторанта – испытание «во всех науках, принадлежащих к факультету, по которому он домогается докторской степени»: он должен был ответить на четыре письменных вопроса из четырех классов наук (Там же, § 38, 39). Внимание инициаторов данного установления сосредоточивалось на компетенциях, приобретаемых главным образом за счет освоения и усвоения существующего знания. И, хотя относительно компетенций соискателя докторской степени в положении подчеркивалось, что он должен был «глубоко судить» о методе и системе науки в целом и «деятельностью собственного ума открывать и исправлять в ней слабые места; дополнять недостатки, отсекал неважные для цели подробности, усовершенствовать связь и порядок, очищать и укреплять основания» (§ 13), в поле зрения законодателя отсутствовала апелляция к формированию качеств ученого, способствовавших выработке нового знания. В этой связи сюжет о диссертации в Положении 1819 г. преподносится не более как заключительный этап всех испытаний соискателей.

Вводимые в 1819 г. правила представления и «защиты» диссертаций восходили к статьям устава Московского университета (Университетский устав, 1804, § 102, 107), закрепляя обязанность соискателей магистерской и докторской степеней «сочинить» диссертацию и защитить ее «публично» (§ 33, 40). Поскольку в Положении 1819 г. акцентировалась особая строгость в проведении испытаний применительно к соискателям докторской степени, требования к их докторским работам были повышенными. Предмет диссертации будущий доктор должен был выбрать самостоятельно, извлечь из содержания «главные тезы, или положения» и защищать их вместе с диссертацией после «одобрения» факультета. Исходя из рекомендаций устава 1804 г. (Университетский устав, 1804, § 106), по нормам Положения 1819 г. текст диссертации и ее защита для соискателя степени доктора должны быть исключительно на латинском языке (§ 40). Вероятно, в этом усматривалась реализация требования научности. Магистрантам же в отличие от докторантов предоставлялось право выбора языка текста диссертации и ведения диспута при ее защите. Но предполагалось, что «сочинять» диссертацию претендент на магистерство должен был «по назначению факультета» (§ 33).

Положение 1837 г.³ опиралось на устав 1835 г. (Университетский устав, 1835, ст. 109) и касалось трех ученых степеней – кандидата, магистра, доктора, что предусматривать исключение из текста новой версии положения ранее введенную (Положение о производстве..., 1819, § 9) ученую степень студента. Одновременно документ был нацелен на смягчение ряда требований к соискателям докторства. Делалась попытка сблизить уровень требований для магистрантов и докторантов. В Положении 1837 г. подчеркивалось, что «испытания на степень магистра и доктора производятся с одинаковой строгостью» (ст. 17). Более того, соискатель докторства освобождался «от вторичного словесного или письменного испытания в тех главных предметах, по коим удостоен первой из сих степеней» (ст. 21). Согласно этому законодательному акту как докторант, так и магистрант сам должен был избрать тему своей диссертации. Обязательное использование латинского языка в диссертационной работе устанавливалось теперь только для специалистов по классической древней филологии (ст. 18, прим.). Намеренно подчеркивался общий характер требований к объему и характеру познаний соискателей двух этих степеней (ст. 19).

Эти некоторым образом облегченные для получения докторства нормативные положения найдут развитие в последующих версиях положений об ученых степенях, а также получают объяснение катастрофической нехваткой профессоров в российских университетах. Однако Положение 1837 г., подобно предшествующему законодательному акту, фактически сохранило прежнее понимание места диссертации в системе испытаний – как одного из их элементов. Диссертация не вос-

принималась еще как проявление творческой активности ученого и его научной самостоятельности, реализуемой посредством получения новых научных знаний. В текстах положений 1819 и 1837 гг. не было речи об оппонировании и рецензировании диссертации как способах научной экспертизы. Регламентация самой процедуры защиты в них выглядела весьма аморфно: не существовало специальных установлений, которые бы детализировали этапы подготовки и организации диссертационного диспута, ставшего впоследствии кульминационным моментом любой диссертационной истории и отражавшего содержание и результаты как научной деятельности соискателя, так и экспертных усилий научного сообщества. Не были четко определены полномочия факультета, декана, оппонентов и других экспертов, имевших отношение к допуску соискателя к защите и присуждению ему ученой степени. Впрочем, эти особенности нормативного регулирования процедуры защиты при усилении внимания к значимости диссертации в известной мере сохранятся в положениях об ученых степенях, сформулированных последующими поколениями.

Выскажем предположение, что данная область нормативного регулирования, имея непосредственное отношение к процедуре оценивания научных компетенций кадров высшей квалификации, по традиции закреплялась за университетскими структурами: подготовка профессорских стипендиатов, организация защит диссертаций и выработка процедур их экспертизы, в том числе оппонирования, становились практикой и традицией каждого университетского/факультетского сообщества. Возможно, министерство народного просвещения (МНП) не считало для себя необходимым нормативно детализировать то, что университеты должны были по своей инициативе выполнять согласно их общим функциям и компетенциям, определяемым уставами.

Полноценная версия положения об ученых степенях, заменившая временное положение 1837 г., готовилась с начала 1840-х гг. специальным комитетом при МНП, возглавляемым С.С. Уваровым. Председателем комитета был назначен П.А. Ширинский-Шихматов. Направление деятельности министерства, отчасти отраженным в полемике Ширинского-Шихматова с департаментом законов Государственного совета, было увеличение разрядов наук с целью обеспечения научной специализации соискателей ученых степеней и рациональной организации их испытаний. Выступая против поверхностного энциклопедизма, закладываемого прежней системой, ориентированной на большой спектр научных дисциплин и экзаменационных вопросов, которые должны были освоить соискатели, Ширинский-Шихматов полагал, что подобная система могла низвести профессора, как «высшего публичного преподавателя», «до степени учителя гимназии». Поэтому он отстаивал принцип получения соискателями докторского диплома и профессорства «по разряду тех наук, которые они преподавать намерены» (По поводу нового..., с. 483.). Положение 1844 г. для письменного испытания соискателей обоих уровней ввело одинаковое и значительно уменьшенное число вопросов – по одному «из каждой главной науки» (ст. 33).

Наряду с нацеленностью авторов Положения 1844 г., казалось бы, на упрощение экзаменационных испытаний, что связывало данный нормативный документ с его предыдущей версией – Положением 1837 г., в текст Положения 1844 г. вводились новые рациональные моменты, опиравшиеся на идею устава 1835 г., устанавливающую связь ученой степени с занимаемой должностью: «Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора того факультета, к которому принадлежит кафедра. Для получения звания адъюнкта надлежит, по крайней мере, иметь степень магистра» (Университетский устав, 1835, ст. 76). Опираясь на эту принципиальную норму, разработчики Положения 1844 г. отказались от уравнивания границ и глубины знаний магистрантов и докторантов и попытались выработать критерии определения специфических уровней их компетенций в рамках научной специализации. Магистрант должен был «доказать преимущественно *историческое* знание предметов и правильный взгляд на разные отрасли наук», от докторанта же требовалось «*критическое* или философическое знание своей науки, объемлющее сущность и развитие оной и сопровождаемое основательно обдуманном всесторонним воззрением» (ст. 42). В документе отражалось ожидание от докторанта проявления способности самостоятельно мыслить в процессе познания сущностей изучаемых явлений и создавать методологию своего исследования на уровне научного обобщения.

Более детально, чем в прежних положениях, в 1844 г. описывались процедуры допущения к защите и организации публичного диспута⁴ соискателей ученых степеней (ст. 36–39, 44–47). В частности, для магистрантов предусматривался «подробный разбор»⁵ диссертации факультетом в лице специалиста (профессора или адъюнкта) в данной области знаний. При положительной ее

оценке соискатель допускался к публичной защите. Докторант должен был представить диссертацию, в которой не предполагалось «развитие» предмета, исследованного им в магистерской диссертации. Докторская диссертация по Положению 1844 г. «подробно» рассматривалась членами факультета и одним из специалистов-профессоров «для доказательства самостоятельности оной». Предполагалась предварительная защита докторской диссертации «в присутствии факультета», после чего докторант мог перейти к «испытаниям». Удачно сданный экзамен «ищущий степени доктора» допускался к публичному диспуту (ст. 38, 44). Подчеркивалось, что диссертация докторанта должна была быть связана с одной из наук, входящей в систему его испытаний (ст. 37).

Более внятно, чем в 1837 г., в 1844 г. определялось значение положений (theses), которые должны были сопровождать презентацию и защиту диссертации. Отмечалось функциональное предназначение тезисов, призванных выразить не только сущность содержания научного труда, но и одновременно «предметы возражений при публичном защищении» (ст. 38). Тезисам придавалось, как видим, значение некой организующей основы научного диспута.

Впервые в 1844 г. вводилась норма, установившая форму представления диссертации. За неделю до диспута она по выбору соискателя могла быть предложена членам факультета либо в опубликованном, либо в рукописном виде (ст. 45)⁶. Новым в Положении 1844 г. стало назначение так называемых «возражателей на тезисы», которых в числе двух персон выдвигали декан и факультет (ст. 47). «Возражатель», таким образом, являлся прообразом оппонента. Заметим, что в лексике современников использовалось и понятие «оппонент». Например, С.М. Соловьев, вспоминая свой магистерский диспут, прошедший в октябре 1845 г., называет Т.Н. Грановского не «возражателем», а «официальным оппонентом» (Соловьев, 1983, с. 293).

Подчеркнем, что в рассматриваемом нормативном документе не акцентировался какой-либо особый статус диссертации, как и не затрагивался вопрос о каких-либо критериях, которым она должна была соответствовать. Но в практике защит диссертаций того времени эти вопросы приобрели актуальность. Достаточно вспомнить описание С.М. Соловьевым своей работы над магистерской и докторской диссертациями, а также историю их защит в 1845–1847 гг. Именно научные замыслы, содержание и концептуальные версии его обеих диссертационных работ, которые он защищал в соответствии с рассматриваемым нормативным актом, привлекли основное внимание членов факультета, оппонентов, рецензентов (Там же, с. 290–291, 305–306). Можно заметить, что не очень удачная сдача Соловьевым магистерских экзаменов не воспринималась им как факт, осложнявший защиту магистерской диссертации. Он считал этот элемент научной подготовки магистранта менее важным. Характерна его мемуарная запись: «Я начал готовиться к экзамену, т.е. стал писать диссертацию» (Там же, с. 286). Объясняя С.Г. Строганову причины своих экзаменационных перипетий, Соловьев подчеркивал, что, выдвигая для себя работу над диссертацией как ведущую цель, ее защиту он рассматривал как наиболее ответственную задачу. В ситуации предполагаемой передачи ему кафедры русской истории Соловьев говорил, что диссертация «должна показать мои права на кафедру пред всею ученою Россиею...» (Там же, с.289).

Таким образом, в определенных кругах научного сообщества уже сложилось представление о диссертации как особом научном труде, защита которого не только легитимировала карьеру ученого, но и являлась при ее признании в сообществе ученых моральной основой его научной и профессорской деятельности.

Постепенно в среде диссертантов стало меняться представление о диссертации как разновидности научных трудов. В первые десятилетия XIX в., несмотря на то, что в нормативных документах относительно квалификационных работ магистрантов и докторантов однозначно использовался термин «диссертация», многие из соискателей предпочитали сопровождать название своей работы подзаголовком «рассуждение»⁷, что в переводе и означало «диссертация». Представляя собой тексты, презентуемые на последней стадии испытаний, «рассуждения» во многих случаях имели весьма лаконичную форму и тяготели к реферативному стилю изложения. Например, докторское «рассуждение» Н.Г. Устрялова (1836) имело объем в 84 страницы. Но уже докторская диссертация С.М. Соловьева (1847) заняла 696 страниц и претендовала на исследовательский характер. М.П. Погодин, магистерская работа (1825) которого была объемом в 177 страниц, являлся поборником небольших текстов диссертаций. По воспоминаниям Соловьева, Погодин, ознакомившись с его докторской работой, с некоторой долей осуждения и со свойственным ему просторечием произнес: «Вишь, какой блин испек!» (Соловьев, 1983, с. 305). Сам Погодин, следуя традиционному подходу,

с досадой рассуждал в 1856 г.: «Пишут огромные сочинения, описывают целые эпохи, – разве это диссертации? Диссертация, дополнение экзамена, должна служить только доказательством годичного прилежного занятия, по окончании курса, не более...» (Погодин, 1856, с. 40). Подобное представление о статусе и характере диссертации к середине столетия являлось уже устаревшим.

С 1840-х гг. в среде ученых-историков отмечается не только увеличение объема диссертаций, с чем, несомненно, связано формирование представлений о необходимости презентовать научной общественности диссертационные работы в качестве фундаментальных научных трудов, но и стремление по-новому идентифицировать их видовую природу в системе научных сочинений. Подзаголовок «рассуждение» становится уже редким явлением: начался поиск более адекватного термина для этого вида научной продукции. Например, С.М. Соловьев, возможно, вслед за Т.Н. Грановским, трактовавшим свои магистерскую и докторскую диссертации (1845, 1849) как «историческое исследование», к названию своей магистерской работы (1845) также прибавляет это обозначение. Впоследствии авторы диссертаций используют подзаголовки «монография», «очерки» и др. Наблюдения за процессом изменения подзаголовков диссертаций позволяет говорить о творческом подходе самих соискателей, пытавшихся адекватно соотнести функциональное предназначение, жанровую принадлежность и содержание диссертации как особого научного произведения. На рубеже XIX и XX вв. титульные листы диссертаций в большинстве случаев уже не фиксировали квалификационный статус такого рода сочинений. В свое время Г.Г. Кричевский этот момент констатировал так: «Формальная грань между диссертацией и книгой в пореформенной России была стёрта...» [Кричевский, 1985, с.145].

С начала 1850-х гг. приступим к переработке Положения 1844 г., приведшей к созданию проекта Положения 1864 г. Процесс его подготовки был актуализирован составлением нового университетского устава, явившегося одним из узаконений в истории буржуазного реформирования России. Работы над пореформенным уставом и положением об ученых степенях в специальных комитетах завершились почти одновременно. Именно в Положении 1864 г. на нормативно-законодательном уровне был значительно повышен юридический статус диссертации как специфического научного труда, качество которого было обеспечено экспертными обоснованиями научной квалификации ее автора. Не касаясь всех аспектов этого хорошо известного специалистам нормативного документа, заметим, что в нем наиболее четко проявилась тенденция к научной специализации соискателей ученых степеней. По замыслу его разработчиков это должно было содействовать углублению знаний в избранной для диссертации научной области.

Отказываясь от традиции проведения специальных испытаний для докторантов (Положение об испытаниях..., 1864, § 22), создатели текста нового положения подчеркивали: «Научная зрелость ищущего докторской степени гораздо лучше может быть доказана диссертацией и публичным ее защищением, чем экзамен» (По поводу нового положения..., 1864, с. 491). В качестве аргумента этого утверждения служила мысль о том, что издание текста диссертации и организация публичного диспута в связи с защитой создавали возможность для широкой научной общественности выступать в качестве экспертной среды в отношении к научному продукту соискателя. Подобная ситуация рассматривалась как «гарантия беспристрастия» в оценивании научных достоинств соискателя степени доктора. Более того, предполагалось, что если в перспективе университеты «с большею, чем до сих пор разборчивостью» будут присуждать степень магистра, то и для этой категории соискателей можно будет отказаться от «изустных испытаний» (Там же, с. 492).

Консолидированные мнения членов комитета выразились, кроме того, в изменении акцентов в восприятии системы испытаний соискателя. Именно содержание и научные достоинства диссертации, успех ее защиты отныне не только определяли решение о присвоении ученой степени соискателю, но и формировали его научную репутацию в научном сообществе.

Разработка и утверждение нового положения об ученых степенях пришлось на время, когда начался постепенный рост числа защищаемых диссертаций. Вырисовывалась стратегия организации подготовки кадров высшей квалификации, нацеленная на получение качественного научного продукта. Члены комитета по разработке Положения 1864 г. обратили внимание на факты защиты «скороспелых» диссертаций. Призывая придать диссертациям особую функцию по «самостоятельной и обширной обработке науки», они рекомендовали не гнаться за увеличением их количества, полагая, что «наша ученая литература не многое потеряет от уменьшения числа магистерских и докторских диссертаций, нередко читаемых только профессорами *ex officio* и мало распространен-

ных в публике» (Там же).

Ряд позиций нового положения отвечали смыслу предшествующего нормативного документа – 1844 г. Многие аспекты организации работы над диссертацией и правила ее защиты уже стали традиционными для университетов и не требовали разъяснений. В новом установлении, например, нет специальных положений, определяющих круг научных компетенций магистранта и докторанта. Уже не требовалось пояснять, для чего необходимо представлять тезисы. В разделе об испытаниях для этих категорий соискателей основное внимание сосредоточено на вопросах, связанных с организацией защиты диссертаций. По Положению 1864 г. повсеместно вводилось правило печатать диссертации «на свой счет» и предоставлять их на факультет за месяц до защиты (§ 26), а также сохранялось известное по Положению 1844 г. требование о назначении двух экспертов – «официальных оппонентов» по новому положению (§ 27). Термин «возражатели» постепенно стал выходить из употребления.

В Положении 1864 г. акцентировалось право участия в диссертационном диспуте широкого круга представителей университетской общественности: «Докторы и магистры по той же науке, хотя и не принадлежащие к университету, приглашаются принять участие в диспуте». Неоднократно подчеркивался публичный характер процедуры защиты (§ 21, 23, 24, 27, 28, 29). По сути, этот нормативный документ возрождал отменённую было в 1849 г. практику публичных диспутов.

К нововведениям Положения 1864 г. следует отнести кроме отмены испытаний для докторантов (§ 22) право любого ученого защищать в качестве диссертации «самостоятельное ученое сочинение <...>, если только оно относится к тому разряду наук, по которому кандидат или магистр ищут следующих ученых степеней» (§ 25). Новый курс 1863–1864 гг. существенно расширял возможности организации и совершенствования практик создания и защиты диссертаций в университетах России.

Особое место в регулировании подготовки соискателей ученых степеней и защиты диссертаций имел университетский устав 1884 г. (Общий устав..., 1884, с. 456–474). Хотя обещанное в нем новое положение об ученых степенях так и не было разработано, следует заметить, что нормативы двух пореформенных уставов, касающихся «испытаний» претендентов на ученые степени, процедур подготовки и защиты диссертаций, не входили между собой в какую-либо принципиальную конфронтацию. Устав 1884 г., регулируя эту область диссертационной системы, закреплял тенденции, намечившиеся еще в первой половине XIX в. Так, был поддержан начатый с 1830–1840-х гг. курс на дифференциацию науки и увеличение числа его разрядов, по которым осуществлялась защита диссертаций и присуждались ученые степени. Одновременно новый устав продолжил линию на упрощение процедуры их получения. Он сохранил 39 разрядов научных областей, введенных в 1863–1864 гг., но утвердил двухзвенную структуру – магистерскую и докторскую степени (ст. 85). Последнее явилось одним из наиболее существенных новшеств. Эта норма позволила сократить различие между российской и европейской диссертационной практикой. Университетский устав 1884 г. подтвердил также введенную в 1863–1864 гг. отмену экзаменов для «ищущего степени доктора» (ст. 87). Кроме того, он давал возможность факультету при наличии «выдающихся достоинств» магистерской диссертации обращаться в совет университета с ходатайством о «возведении» магистранта сразу в степень доктора (ст. 30, § 1, п. 3; ст. 88). Введенные ранее правила оппонирования диссертаций также поддерживались новым уставом.

Подводя некоторые итоги, отметим, что нормативно-законодательная основа, определявшая процедуру защиты диссертаций с целью получения ученых степеней, претерпела в течение XIX в. эволюцию, связанную с признанием диссертации как ведущего элемента в системе квалификационных испытаний соискателя. Повышение статуса диссертации в пореформенный период содействовало росту числа их защит в среде ученых-историков. Судя по базе данных о диссертантах-историках и их диссертациях в XIX – начале XX в.⁸, во время действия Положений 1819–1837 гг. было защищено всего 22 диссертации (7,8% от общего их выявленного количества), в условиях действия Положения 1844 г. – 49 диссертаций (17, 4%), в период реализации нормативно-законодательных установлений 1863–1884 гг. – 211 диссертаций (74,8 %) [Алеврас, Гришина, Скворцов, 2016, с. 36].

Нормативная процедура защит диссертаций, получив наиболее разработанную модель в 1863–1884 гг., не была отягощена детализацией многих аспектов организации подготовки соискателя к защите и проведения диспута. Известный схематизм уставных норм, регулирующих данную

сферу диссертационной системы, ориентировал профессорско-преподавательский состав университетов на проявление широкого спектра инициатив в их реализации. Можно полагать, что в каждом университете складывались свои принципы и подходы к оцениванию научной состоятельности диссертации и профессиональной квалификации соискателя ученой степени. Культура организации диссертационных диспутов и презентации диссертации соискателем, институт оппонентов и экспертные критерии определения достоинств и слабых сторон диссертации – все это формировалось в сообществах ученых на базе университетских (факультетских) традиций. Известная автономность существования научных сообществ российских университетов и складывание собственных традиций в сфере диссертационной культуры каждого университета/факультета объяснимы юридической самостоятельностью университетов и широкими полномочиями факультетов в деле присуждения ученых степеней, что было закреплено университетскими уставами второй половины XIX в.

Впрочем, различия в традициях подготовки диссертаций и их презентациях не были настолько существенными, чтобы препятствовать росту в среде представителей российских университетов взаимного научного интереса к диссертационным работам друг друга. Интенсификация коммуникативных контактов в пространстве диссертационных культур различных университетов становилась заметным фактором университетской жизни конца XIX – начала XX в. Следствием этих процессов явилось обогащение опыта научной экспертизы и культуры оппонирования диссертаций. Однако сюжеты, характеризующие университетские традиции оппонирования диссертаций в истории профессиональной подготовки ученых в России, требуют отдельного исследования.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264

² О детализации «правовой паутины» университетского законодательства, связанного с научной аттестацией первой трети XIX в., см. [Ильина, 2016, с. 169–187].

³ В статье специально не рассматриваются такие важные нововведения данного нормативного акта, как установление более дробной системы разрядов наук и, соответственно, разрядов магистров и докторов, а также вводимых в рамках новой разрядной классификации наук их устных и письменных «испытаний» (Положение об испытаниях..., 1837, ст. 14, 15, 16). Следование этой тенденции в 1844 г. (Положение о производстве..., 1844, ст. 35, 41) демонстрирует стремление, с одной стороны, ориентировать будущих ученых на углубление знаний путем научной специализации, с другой – облегчить процедуру испытаний, предлагая блоки вопросов из предметной области того разряда наук, в рамках которого осуществлялась специализация соискателя, определявшая в том числе проблематику диссертации.

⁴ Принятая традиция публичной защиты диссертаций была приостановлена в 1849 г. [Иванов, 2016, с. 456–458].

⁵ В практике факультетов по составлению «подробных разборов» диссертаций форма документов получала различные наименования: в первой половине XIX в. их чаще всего называли рецензиями, во второй половине столетия – отзывами, а иногда отчетами.

⁶ В практике же защит диссертаций опыт их публикации появился гораздо раньше. А к 1840-м гг. в некоторых университетах, например, в Московском, уже требовалось издание диссертации [Гатауллина, Ильина, 2016, с. 17].

⁷ Этот термин официально применялся только к работам соискателей степени кандидата (Положение об испытаниях на ученые степени..., 1837, ст. 10).

⁸ В базу данных вошли диссертации, защищенные преимущественно по разрядам/специальностям «русская история» и «всеобщая история». Этот вариант базы данных включает 282 диссертации, защиты которых состоялись в 1813–1919 гг.

Список источников

Университетский устав (5 ноября 1804 г.). § 96–107. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 02.02.2017).

Университетский устав 1835 г. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (дата обращения: 05.02.2017).

Об удалении от должностей профессоров Дерптского университета за незаконное производство в докторы правоведения Валтера, Вебера и других лиц // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1817. Собр. 1, Т. 37, № 26940. С. 424–425.

Положение о производстве в ученые степени // ПСЗ РИ. 1819. Собр. 1, Т. 36, № 27646. С. 37–42.

Положение об испытаниях на ученые степени // ПСЗ РИ. 1837. Собр. 2, Т. 12, Ч. 1, № 10188. С. 285–287.

- Положение о производстве в ученые степени (от 6 апреля 1844 г.) // Журн. министерства народного просвещения (ЖМНП). 1844. Ч. 42. С. 179–192.
- Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (от 4 января 1864 г.) // ЖМНП. 1864. Ч. 121. С. 96–110.
- По поводу нового положения об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // ЖМНП, 1864. Ч. СXXXI. С. 475–492.
- Общий устав императорских российских университетов, 23 августа 1884 г. // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 4, № 2404. С. 456–474.
- Погодин М.П. Диспут г. Гладкова // ЖМНП. 1856. Ч. 89. Отд. 3, январь.
- Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // С.М. Соловьев. Избр. труды. Записки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 229–350.

Библиографический список

- Алеврас Н.Н.* Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX–начала XX в. // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 129–144.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Скворцов А.М.* К созданию коллективного портрета историков-соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX вв.: разработка базы данных и предварительный анализ // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в.: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань: Из-во Казан.ун-та, 2016. С. 32–40.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Рос.история. 2014. № 2. С. 77–90.
- Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 84–107.
- Гатауллина Р.Х., Ильина К.А.* Университет vs министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 15–24.
- Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX–середины XX в.: опыт и перспективы изучения: сб. статей по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара) 18 ноября 2016 г. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 136 с.
- Зипунникова Н.Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX в.: монография. Екатеринбург: Изд. дом «Урал.гос. юрид. академия», 2009. 440 с.
- Зипунникова Н.Н.* Законодательство об ученых степенях как важнейшее условие формирования диссертационной культуры Российской империи // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX–середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 25–35.
- Иванов А.Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX в. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.
- Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII – 1917 г. М., 1994. 197 с.
- Ильина К.А.* Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX в. // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX в.: опыт и перспективы изучения: сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 36–49.
- Ильина К.А.* Траектория научной аттестации в российских университетах 1830-х гг.: Опыт защиты А.И. Чивилева // Диалог со временем 57. М.: ИВИ РАН. 2016. С. 169–187.
- Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153.
- Сухова Н.Ю.* Диссертационные диспуты как форма научной работы в православных духовных академиях России в 1869–1884 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарно-

го университета, 2010. Вып. II: 3 (36). С. 21–35.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.04.2017

STATUS OF DISSERTATION AND NORMATIVE BASES OF OPPONENCY IN RUSSIAN LEGISLATION OF THE 19TH CENTURY

N. N. Alevras

Chelyabinsk State University, Plekhanov str., 129, 454001, Chelyabinsk, Russia
vhist@mail.ru

The article deals with the analysis of the university legislation, particularly the regulatory resolutions, such as the regulations on academic degrees. Their finalized versions (1819, 1837, 1844, 1864) were used as instructional annexes to university statutes (1804, 1835, 1863, 1884). Notwithstanding the interest of the specialists studying the history of Russian universities to this kind of legislation, the evolution of legislative regulation of the training of highly qualified researchers has not been analyzed previously. Such an analysis would help, in particular, to identify the changes of the legal status of dissertations and the regulations on their academic expert reviews. The article claims that, after the enactment of the Regulations of Awarding Academic Degrees in 1844, the system of the assessment of the applicants for degrees began to put legal emphasis on the importance of public thesis defense and the professional expert reviews as the main instruments of expert qualification practices. The trend was developed and established in the statutes of 1863–1884 and the Regulations on the Qualification for Students in Deed and the Award of Academic Degrees of 1864. The author traces the gradual increase of the importance of the dissertation, which became the basic tool for the assessment of academic achievements of an applicant for a degree in the 1860s – 1880es, in legal documents. During that period, the functions of dissertation experts presented by the departments and opponents were clarified due to the implementation of the public dissertation defense principle. It is proved by the significant increase of the number of thesis defense procedures, found in the available database on history dissertationists and their theses.

Key words: Russian universities, Russian legislation, university statutes, regulations on academic degrees, dissertation, defense of dissertation, opponent, dissertation opponency.

References

- Alevras, N. N. (2011), "Dissertation defense as an event and a tradition of university life in the late XIX – early XX century", in Alevras, N. N., Grishina, N. V. & Yu. V. Krasnova (eds.), *Istoriya i istoriki v prostranstvenatsional'noy mirovoy kul'ture XVIII–XXI vv.: sb. statey* [History and historians in the space of national and world cultural of XVIII–XXI centuries: a collection of articles], Entsiklopediya, Chelyabinsk, Russia, pp. 129–144.
- Alevras, N. N., Grishina, N. V. & A. M. Skvortsov (2016), "About the creation of collective portrait of historians applying for academic degrees in Russia in XIX – early XX century: the development of a database and preliminary analysis", in *Uchitel' istorii v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii v kontse XX – nachale XXI v.: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. smezhdunar. uchastiem* [History teacher in social and cultural life of Eurasia in late XX – early XXI century: Proceedings of All-Russian scientific and practical conference with international participation], Kazan University, Kazan, Russia, pp. 32–40.
- Alevras, N. N. & N. V. Grishina (2014), "History theses and laws (the 1860–1920s)", *Rossiyskaya istoriya*, no. 2, pp. 77–90.
- Vishlenkova, E. & K. Ilyina (2013), "About academic degrees and how dissertations gained academic and practical importance in Russia", *Novoeliteraturnoe obozrenie*, no. 4, pp. 84–107.
- Gataullina, R. Kh. & K. A. Ilyina (2016), "University vs Ministry of Public Instruction: academic expertise and dissertation censorship in the mid-XIX century", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 4, pp. 15–24.
- Alevras, N. N. & N. V. Grishina (eds.) (2016), *Dissertatsiya po istorii v kontekste Rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX–serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya: sb. statey po itogam mezhdunar. nauch. seminarov (vebinarov) 18 noyabrya 2016 g.* [History dissertation in Russian academic culture of XIX – mid-XX century: the results and prospects of research: a collection of articles following the multiregional academic seminar], Entsiklopediya, Chelyabinsk, Russia, 136 p.
- Zipunnikova, N. N. (2009), «Universitety uchrezhdayutsya dlya prepodavaniya nauk v vyssheystepeni». *Rossiyskoe zakonodatel'stvo ob universitetakh XVIII – nachala XX v.: monografiya*. ["Universities are established to teach sciences in the extreme". Russian university legislation of XVII – early XX century: a monograph], Izd. dom «Ural. gos. yurid. akademiya», Yekaterinburg, Russia, 440 p.

- Zipunnikova, N. N. (2016), "Academic degree legislation as a crucial provision for the establishment of dissertation culture of the Russian Empire", in Alevras, N. N. & N. V. Grishina (eds.), *Dissertatsiyapoistorii v konteksterossiyskoynauchnoykul'tury XIX–serediny XX v.: opytiperspektivyizucheniya: sb. stateypoitogammezhregion. nauch. seminara (vebinara) 18 noyabrya 2016 g.* [History dissertation in Russian academic culture of XIX – mid-XX century: the results and prospects of research: a collection of articles following the multiregional academic seminar], Entsiklopediya, Chelyabinsk, Russia, pp. 25-35.
- Ivanov, A. Ye. (2016), *Uchenoedostoinstvo v Rossiyskoyimperii. XVIII – nachalo XX v. Podgotovkainauchnayaattestatsiyaprofessoroviprepodavateleyvysshsheyshkoly.XVIII – nachalo XX v.* [Academic titles in the Russian Empire. XVIII – early XX century. Education and academic assessment of professors and higher education teachers. XVIII – early XX century], *Novyyhronograf*, Moscow, Russia, 656 p.
- Ivanov, A. Ye. (1994), *Uchenyestepeni v Rossiyskoyimperii. XVIII – 1917* [Academic degrees in the Russian Empire. XVIII century – 1917], Institutrossiyskoyistorii RAN, Moscow, Russia, 197 p.
- Ilyina, K. A. (2016), "Reviewing history and philology dissertations in the universities of the Russian Empire in early XIX century", in Alevras, N. N. & N. V. Grishina (eds.), *Dissertatsiyapoistorii v konteksterossiyskoynauchnoykul'tury XIX–serediny XX v.: opytiperspektivyizucheniya: sb. stateypoitogammezhregion. nauch. seminara (vebinara) 18 noyabrya 2016 g.* [History dissertation in Russian academic culture of XIX – mid-XX century: the results and prospects of research: a collection of articles following the multiregional academic seminar], Entsiklopediya, Chelyabinsk, Russia, pp. 36-49.
- Ilyina, K. A. (2016), "The trends in academic assessment in Russian universities in the 1830s: the defense of A. I. Chivilev", *Dialog so vremenem*, no. 57, pp. 169–187.
- Krichevskiy, G. G. (1985), "Academic degrees in the universities of Russia before Revolution", *Istoriya SSSR*, no. 2, pp. 141-153.
- Sukhova, N. Yu. (2010), "Dissertation defense procedures as a form of academic work in orthodox ecclesiastical academies in Russia in 1869–1884", *VestnikPravoslavnogoSvyato-Tikhonovskogogumanitarnogouniversiteta*, no. II: 3 (36), pp. 21–35.